# ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

## КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

**Гурарий Е. М.**

советник Председателя, Правительство Свердловской области (Россия), ассистент кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Блюхера, д. 53, кв. 38, gurariy777@mail.ru

УДК 321.01
ББК 66.01

**Цель.** Исследование проблемы концептуализации политического пространства как одного из факторов, определяющих условия осуществления политики, ее целей и задач.

**Методы.** Концептуализация базовых категорий политической науки, к числу которых относится и понятие политического пространства, рассматривается не только как этап обновления политического знания, но и как сторона реальной политики, придающая ей характер конструирования институциональной среды в соответствии с общественно значимыми приоритетами и задачами.

**Результаты.** В статье сделан вывод о том, что новый образ политического пространства возникает и может существовать исключительно в рамках процесса конструирования-реконструкции. Необходимость реформирования топологии пространства-поля востребует расширения границ политического мира, формирования новых институтов и организаций.

*Ключевые слова*: политическое пространство, концептуализация, институт, индивид, эмансипация, информационное общество.

## CONCEPTUALIZATION OF POLITICAL SPACE IN THE INFORMATION SOCIETY

**Gurary Ye. M.**

Prime minister Advisor, the Government of Sverdlovks region (Russia), assistant of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute of Management-branch, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), ap. 38, 53, Blyukher St., Yekaterinburg, Russia, 620137, gurariy777@mail.ru

**Purpose.** Study of the problem of conceptualizing the political space as one of the factors determining the conditions of the policy, its goals and objectives.

**Methods.** Conceptualizing the basic categories of political science, which include the concept of political space, is considered not only as a stage of renovation of political knowledge, but also as a side of real politics, which gives it the character of the construction of the institutional environment in accordance with the relevant public priorities and objectives.

**Results.** The article concludes that a new way of political space can only exist as part of the construction-reconstruction. The need to reform the topology-field space demands to expand the political boundaries of the world, the formation of new institutions and organizations.

*Key words*: political space, conceptualization, institute, individuum, emancipation, information society.

© Гурарий Е. М., 2016

*Гурарий Е. М.*

В науке отсутствует единство подходов к определению оснований политики. Тем не менее, многие исследователи совпадают во мнении, что политика связана с реализацией единства и целостности общества, консенсусом множества интересов разнообразных групп и индивидов, упорядочиванием социальных отношений.

Мы, безусловно, признаем, что политика носит многогранный комплексный характер, задаваемый широким набором внешних факторов. Политика является инструментом решения задач различного рода: социальных, экономических, культурных, геополитических, военных. На определенном этапе культурно-исторического развития социума то или иное основание политики может доминировать и этим придавать текущей политике характерный профиль, характер, режим осуществления. Другой конститутивной чертой политики, обусловленной уже не внешними факторами, не контекстом ее реализации, а внутрисистемным строением, является ее структурно-функциональная амбивалентность.

В этой связи можно заключить, что понятие политики несет в себе два значения. С одной стороны, это может быть программа, метод действий или сами действия, осуществляемые индивидом или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом, политика – *policy*. С другой стороны, политика может быть представлена как отдельная область общественной жизни (*politics*), где сталкиваются различные политические направления личности или группы, которые в свою очередь имеют собственную политику (*policy*) – цели, интересы, мировоззрения, идеологические программы [1, с. 18–20]. По сути, здесь мы имеем дело с толкованием категории политики в «узком» и «широком» смыслах: политика есть особая система действий (взаимодействий), определяющая правителей и способ реализации власти, но одновременно это и способ взаимодействия акторов (индивидов, организаций и групп) внутри каждого сообщества. И то, и другое толкование политики востребует хотя бы минимального осознания того, как осуществляется власть, а также правил, по которым осуществляется взаимодействие людей [1, с. 18–20].

Политика в «узком» смысле (*policy),* как правило, является составным компонентом политики в «широком» смысле (*politics*), представляя собой программы, партии, интересы субъектов политики, участвующих в общественной жизни. Политика в «широком» смысле представляет собой способ взаимодействия индивидов по поводу власти в рамках общественной жизни. Это выражается в совокупности правил и норм (институтов), регулирующих взаимодействия индивидов по поводу власти в рамках данного сообщества, определяющих условия возможности политических взаимодействий.

Такая постановка вопроса ставит перед нами проблему границ политики. В первую очередь, речь идет об институциональных границах, т.е. внутренних ограничениях политики. Специфика внутренних границ политики заключается в том, что они не столько несут в себе «негативные» воздействия, т.е. отделяют, запрещают, препятствуют чему-либо, сколько задают содержание политических действий, определяют правила игры. Это, по сути, является позитивным смыслом институциональных ограничений политики, задающим целевой ориентир общественного развития.

Именно институциональные ограничения играют ключевую роль в формировании политики как *policy*, как действие одной из сил, предполагающее противодействие и потому выводящее нас к более широкому пониманию политики как *politics,* – области взаимодействия индивидов по поводу власти в рамках конкретного общества.

Актуальность проблемы анализа политического пространства связано с тем, что, по сути, оно является формой существования политического мира как особой реальности. В этой связи, возникает вопрос о категориальном статусе понятия политического пространства, обусловленного изменениями в политических процессах, происходящих в свете становления современного информационного общества, которые связаны с появлением экономики знания, метаморфозом власти, необходимостью модернизации политической системы. Разработка и реализация той или иной политики, адекватной современному этапу общественного развития, требует обновления теоретико-методологической базы и содержания ключевых понятий политической науки. Примечательная черта информационного общества – в обществе такого типа во главу угла ставится человеческий потенциал и возможность его капитализации. Соответственно перед нами встает необходимость концептуализировать категорию политического пространства с тем, чтобы определить сущностные особенности его конструирования, его содержание и предназначение. Необходимость концептуализации политического пространства вызвана кардинальным изменением социокультурных условий жизни общества, переживающего процесс социальной трансформации и находящегося в условиях возрастания неопределенности. Кроме того, концептуализация образов политического пространства и выявление их смыслов необходима для определения реальности политики в современных условиях.

Приступая к задаче концептуализации политического пространства, необходимо учесть, что в научной теории оформились две концептуальные модели пространства: «ньютонианская», возникшая в русле классической механики, и «эйнштейновская», связанная

с теорией относительности. Ньютонианский образ пространства фиксирует движение вещей, но источники и причины этой динамики не проблематизируются. Эйнштейновский образ пространства строится на основе принципа относительности. Оба образа пространства равнозначны и не находятся в противоречии друг к другу.

В рамках этих двух моделей рассматриваются три концептуализации политического пространства:

1. Географический (физический) образ: связан с описанием признаков государства – территория, границы, природные ресурсы и, наконец, суверенитет, становящийся синонимом абсолютной власти государства. Отсюда «поверхностный» характер государственной политики – policy, которая направляется государственным интересом.

2. Социальный образ – пространство-поле. Выступает в виде структуры отношений статусов и позиций его акторов, вытекающих отсюда особенностей политики в массовом обществе. Важным элементом социального образа пространства является взаимодействие между социальными группами и внутри них.

Данные две концептуализации политического пространства носят топологический характер. Оба образа пространства фиксируют системы регулирования поведения акторов над индивидуальным уровнем. В них ключевое значение отводится важности расположения участников политики по отношению друг к другу, превалируют иерархические отношения, односторонний характер коммуникаций. Это выражается в перевесе структур (институтов) над индивидами, свойственном индустриальному обществу.

Переход к информационному обществу и вызванный этим метаморфоз власти и демассификация индивидов востребуют движение к новой концептуализации. Примечательной чертой современной формы политического пространства является его нетопологический, функциональный характер. В новой ситуации, когда сложившаяся социальная структура и статусы подвергаются изменению, политическое пространство уже не является внешней формой политических процессов, а получает новый, открытый и динамичный способ существования. Новая версия концептуализации политического пространства связана именно с обществом, в котором свобода является достоянием всех, и где исходным пунктом конструирования политики является множество спонтанных взаимодействий индивидов, эмансипация индивидов, получают первичную реализацию индивидуальные интересы. Вступление в информационное общество несет слом существующих институтов, происходит «слипание», смешивание понятий.

Итак, остановимся более подробно на условиях, формирующих возможность и необходимость новой концептуализации пространства в политической науке. Первое из них – переход к постиндустриальному (информационному) обществу, в ходе которого возникают предпосылки для преобразования асимметрического соотношения вертикальных структур и горизонтали спонтанных социальных взаимодействий в нечто другое. Вектор этого преобразования задается, наш взгляд, двумя обстоятельствами: метаморфозом власти и демассификацией человека и социальных отношений в условиях становящегося информационного общества. Метаморфоз власти означает выход на первый план в классической триаде ее оснований (сила – богатство – знание) третьего компонента, знания. Будучи нематериальным (символическим) аспектом власти, знание не только становится фактором роста ее материальных составляющих (силы и богатства), но задает такую ее (власти) конфигурацию, при которой власть становится средством гуманитарного развития, обеспечения прав и свобод человека [2, с. 94–116], а не инструментом дисциплины или перераспределения капиталов, как в предшествующую эпоху.

Демассификация человека и социальных отношений имеет ряд важных для нашей темы следствий. Во-первых, это ведет к серьезному ослаблению групповой идентификации индивидов. В новых условиях индивид получает возможность интеграции в разные объединения по интересам одновременно. Этим сводится к минимуму его зависимость от первичной социальной группы, в которой он оказывается по факту своего рождения в определенной жизненной среде. Выросшие масштабы горизонтальных и вертикальных перемещений, их усиленная динамика устраняет монополию не только первичной, но и вторичных (по интересам) социальных групп на индивида, препятствует подчинению индивида групповым началам.

Во-вторых, изменение цивилизационного кода общества, основных принципов и правил взаимодействий, далекое от своего завершения, вызванная этим перестройка способов детерминации провоцируют рост неопределенности в поведении социальных систем и индивидов, полное расширение области свободы, необходимость творческого поиска и появляющихся отсюда рисков.

В-третьих, «приметой» наступающей информационной эпохи является деидеологизация, понимаемая не как уничтожение идеологий, а смена их характера. В силу ослабления роли и значения групповых факторов идентичности, увеличения областей свободы индивидов идеологии во многом теряют мобилизационную и направляющую функцию, видоизменяются в систему ценностных ориентаций и приобретают не директивный, а регулятивный смысл.

Четвертым следствием является децентрализация социальных систем и структур, в процессе которых изменяется соотношение между вертикальными

структурами и спонтанными взаимодействиями по горизонтали в пользу горизонтальных, нерегулируемых, возрастает роль локальных образований в отношениях с «центром». Децентрализация социального и политического устройства создает эффект множества элит и, как следствие, приводит к увеличению количества центров принятия решений. В этой связи, основным аспектом успешности того или иного решения в политическом пространстве является его адекватность, а не административная поддержка.

И, наконец, еще одним следствием демассификации человека и социальных отношений является эмансипация индивидов. В большой степени расширяется область человеческой свободы, которая становится потенциалом развития личности, важным конкурентным преимуществом того или иного индивида. Но только в том случае, если индивид обнаруживает способности к осуществлению потенциала свободы, и в той мере, в какой он ее реализует.

Новая версия концептуализации политического пространства связана именно с идентификацией общества, в котором свобода является достоянием всех, и где исходным пунктом конструирования политики является множество спонтанных взаимодействий индивидов, через которые проступают и получают первичную реализацию индивидуальные интересы и, тем самым, права и свободы человека. В рамках физического образа пространства мир политического, его картина ограничивается горизонтом государства. Социальный образ пространства сопряжен с горизонтом группового видения. Что касается новой концептуализации пространства, связанной с раскрытием потенциала свободы, то здесь речь идет уже об индивидуальном горизонте.

Далее нам представляется интересным и полезным обратить внимание на научный труд, концептуально описывающий две модели социальной организации, существовавшие в течение всей истории человечества: порядок ограниченного доступа и порядок открытого доступа [3, с. 39–41]. Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст представили в своей последней книге «Насилие и социальные порядки» сравнение этих двух систем. Каждая из них представляет собой особое социальное целое и отличается от другой способом реагирования на поток неопределенностей, воздействующих на это целое и вызывающих процесс исторической динамики. Первый из этих способов, связанный с порядком ограниченного доступа, можно охарактеризовать как структурное изменение, основой которого является изменение механизма распределения ключевых ресурсов и осуществления контроля над ними. Главным политическим ресурсом структурного изменения является власть как сила, как способ легитимного насилия государства, ограничивающий право применения негативных санкций остальными. Второй мы можем охарактеризовать как институционально изменение – корректировки норм, в соответствии с которыми любой актор может реализовывать свои интересы законными средствами. Основным политическим ресурсом в таком случае является свобода, которая олицетворяется (1) автономией субъекта, (2) зафиксированными условиями для самореализации, (3) справедливой конкуренцией между ними на основе изначального равенства сторон и (4) наличием определенных структур, обладающих социальным авторитетом и обеспечивающих объективную оценку результатов, а также медиацию неизбежно возникающих конфликтов.

Там, где имеет место порядок ограниченного доступа, темп динамики невысок, фактически отсутствует экономический рост, социальная структура имеет застойный характер. В силу этого основным источником неопределенностей выступает внешняя среда – природные условия и геополитическая обстановка. Соответственно, инструментами снятия этих неопределенностей выступают материальные (природные, человеческие и военные) ресурсы и рутинизированное знание. Ограниченный характер этих инструментов обусловливает катастрофический характер перемен в ситуации, когда масштаб и (или) интенсивность внешних воздействий, превышающие способность общества противостоять им, обрекают это общество на поражение в борьбе с внешними силами – природными стихиями или чужеземными завоеваниями.

В обществах открытого доступа, наоборот, ключевым фактором неопределенности является внутренняя среда, которая выступает неким катализатором изменений, поскольку акторы (индивиды и организации) действуют в условиях свободы – автономности, творческой инициативы, конкуренции, правовых гарантий. «Переход несет за собой череду изменений в политической сфере, определяющих большую степень участия индивидов и гарантирующих безличные политические права, более транспарентные институты, упорядочивающие процесс принятия решений и обеспечивающие правовую поддержку более широкого круга организационных форм, включая политические партии и экономические организации. Переход приводит к отдельным переменам в экономической сфере, которые создают возможность для открытого входа и конкуренции на различных рынках, свободное перемещение товаров и людей во времени и в пространстве, возможность создавать новые структуры для достижения экономических целей, защиту прав собственности и запреты на использование насилия для получения ресурсов и товаров или принуждения других. Хотя свидетельства прошлых десятилетий неоднозначны, политическое и экономическое развитие последние два века шли рядом» [3, с. 41]. В этом случае ключевыми способами нивелирования неопределенностей становятся

ресурсы нематериального плана – информационные, коммуникативные, когнитивные, конструирующие определенную интеллектуальную основу (реальную культуру социума).

В обществах, где начался переход к порядку открытого доступа, где модернизируется сущность исторической динамики в вопрос управления взаимоотношениями между индивидами вовлекается новая структура – политическое пространство нетопологического вида. То есть, в информационном обществе на авансцену выходит применение нематериальных ресурсов. В постиндустриальном обществе изменение связано, главным образом с институциональными изменениями, ведущими к наращиванию людьми своих прав и свобод.

Институциональные изменения приводят к некому масштабному распространению общественной энергии. Это, в свою очередь, обусловливает особые формы поведения индивидов, которые уже не регулируются существующей системой «правил игры», поскольку данные правила формировались как нормы управления общественными отношениями огромных людских масс, значительных социальных групп. Соответственно «крупноячеистая» сетка такого пространства уже не может управлять эмансипированными индивидами, деятельность которых активизируется за счет вышедшей в пространство социальной энергии. Это поведение имеет отклоняющийся (по отношению к наличным социальным стандартам) характер и может быть как продуктивным, так и негативным (криминальным). В любом случае, растущая активность индивидов играет деструктивную роль по направлению к топологически организованному пространству-полю. Выходя за пределы действующего политического пространства, социальная энергия «вырвавшихся на свободу» индивидов создает дополнительные возможности для самореализации и проявления индивидуальных качеств индивидов, тем самым, фактически, разрушая социальное целое. Становится очевидным конфликт предшествующей институциональной инфраструктуры (в первую очередь, ее неформальной основы – культуры, традиций, обычаев) с деятельностью автономизированных эмансипированных индивидов, выходящий на новый уровень социальной (в широком смысле этого слова) активности. В результате, появляется безотлагательное требование реформирования сложившейся топологии действующего пространства-поля и, как следствие, появления нового образа политического пространства.

Мы видим, что новый образ политического пространства как особая функциональная система социума возникает в качестве ответа на необходимость обеспечить управление новым потенциалом социального и экономического развития – эмансипацией индивидов, рождающей поток неопределенностей, задающей неравновесный характер динамики. Последствия распада устоявшихся связей пространства выражаются в переходе от одного исторического типа общественного устройства к другому. Субъектами реорганизации пространства являются индивиды, которые в период распада старых и сборки новых детерминационных связей выступают автономными акторами, реализующими собственные интересы, обладающими различными потенциалами. Совокупность потенциалов индивидов реализуется в новой концептуализации политического пространства, структура которого выполняет ограничительные функции. Без ограничений деятельности индивидов вероятность потери индивидуальных потенциалов становится чрезвычайно высокой. Структура политического пространства (формируемая из институтов, сконструированных «снизу», самими индивидами) навязывает индивиду определенные законы, нормы и образцы поведения, которые должны быть им приняты либо отвергнуты на основе консенсуса либо конфликта. В результате этого процесса выработки, согласования принятия и отвержения новых «правил игры» совокупность отдельных действий индивидов результирует в коллективные действия, которые и становятся началом становления гражданских институтов и организаций. Можно говорить о зарождении реальной публичной политики. Политическое пространство функционального вида конструируется действиями самих индивидов, но в дальнейшем стратегические задачи и приоритеты развития задаются структурой возникшего пространства.

Новый (функциональный) образ политического пространства создается индивидами, которые нацелены на определенный результат и предполагают достижение конкретной выгоды – реализовать свои интересы. Принимая во внимание рациональность действий индивидов в таком случае, мы имеем все основания отождествлять политическое пространство в его новом образе с политическим рынком.

Мы можем сделать вывод о том, что новый образ политического пространства возникает и может существовать исключительно в рамках процесса конструирования-реконструкции. Необходимость реформирования топологии пространства-поля востребует расширения границ политического мира, формирования новых институтов и организаций. Эмансипированные индивиды как раз и выступают проводниками новаций в политическом пространстве.

Безусловно, конструирование новой структуры политического пространства должно учитывать преемственность этапов культурно-исторического развития социума, массив норм и традиций, накопленных в социуме в ходе его истории. Данный аспект является,

с нашей точки зрения, одним из важнейших факторов успешности стабильности появляющегося политического пространства и, в то же время, отдельным проблемным вопросом, требующим отдельного изучения.

Говоря о новом образе политического пространства на современном языке информационного общества, мы видим его предназначение в опосредствовании и управлении процессом распределения власти между различными политическими акторами в условиях политической демократии и расширения прав и свобод личности. Этот процесс – относительно новый феномен в жизни российского общества, востребующий выработки механизмов защиты и обеспечения этих прав и свобод. Функциональный образ политического пространства включает в себя в качестве конститутивного элемента индивидуальные «территории» автономии индивидов, в границах которых и осуществляется их свобода. Новый образ политического пространства обеспечивает согласительный характер политики и является институциональным основанием демократии.

**Литература:**

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с.
3. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Институт Гайдара, 2011. 480 с.

**References:**

1. Aron R. Democracy and totalitarianism. M.: Tekst, 1993. 303 p.
2. Toffler A. Powershhift. M.: AST, 2003. 669 p.
3. North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History / Translated from English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. M.: The Gaidar Institute, 2011. 480 p.